

Синонимический микроряд «синий — голубой» в сопоставлении с польским *błękitny — niebieski* (к проблеме семантической эволюции лексических эквивалентов родственных языков)

Системные связи и отношения пронизывают, как известно, все языковые уровни без исключения. Но нигде они так не сложны, нигде так подчас не ускользают от взгляда исследователя, как на уровне лексико-смысловых отношений. Эту мысль неоднократно высказывал В. В. Виноградов, считавший, в частности, что «вопрос о предметно-смысловых связях слов в лексической системе языка... один из самых трудных...» [5, с. 310]. В докладе И. Червенковой «К специфике сопоставительного исследования лексики близкородственных языков», прочитанном на IX Международном съезде славистов, справедливо отмечается, что «сложность и своеобразие системной организации лексики определяют особенности сопоставлений в этой области по сравнению с другими сферами языка» [8, с. 120]. Одной из таких особенностей является обязательность системного подхода. «Проблемы лексикологии (в том числе сравнительной), — указывала Р. М. Цейтлин в докладе на IX Международном съезде славистов, — не могут быть решены сопоставлением отдельных лексем, сравниваться должны определенные микро-системы» [7, с. 294].

В рамках данной статьи предпринята попытка установления характера семантической эволюции русских цветowych лексем *синий, голубой* как членов определенной лексико-семантической микроструктуры в их системной диахронической соотнесенности с эквивалентными польскими лексемами *błękitny, niebieski*.

Количественное соответствие реализаций отобранных для анализа русских и польских прилагательных¹, а также соответствие их словарных характеристик (*błękitny, niebieski* в польско-русских словарях определяются как «голубой, светло-синий») свидетельствуют, на первый взгляд, об их абсолютном сходстве. Однако между семантикой значения и семантикой как явлением системным имеются существенные различия. Так, каждое из рассматриваемых слов польской микросистемы не равно семантически ни русскому *голубой*, ни русскому *синий*, поскольку системные отношения, связывающие, с одной сторо-

¹ От общего количества реализаций цветowych прилагательных со значением синего тона в исследованных текстах реализации русских *синий, голубой* соответственно составляют 50% и 40%, польских *błękitny, niebieski* — 36 и 40%.

ны, слова *голубой*, *синий*, а с другой — *biekitny*, *niebieski* — не адекватны. Для слов *синий*, *голубой* в их системной сопоставленности важно то, что они не тождественны степени своей семантической напряженности. Это достаточно отчетливо обнаруживается при сопоставлении, например, следующих есенинских текстов: «Васильками сердце светится, горит в нем бирюза, я играю на гармонике про *синие* глаза» и «Только и было в нем, что волосы как ночь да глаза *голубые*, кроткие»; «...загораются, как зори, в *синем* небе купола» и «И из лона *голубого*, Широко взмахнув веслом, Как яйцо, нам сбросит слово С проклевавшимся птенцом». Общая смысловая направленность приведенных контекстов позволяет судить о том, что передаваемые через посредство слова *синий* зрительные впечатления свидетельствуют о цвете высокой степени тональной насыщенности и яркости; напротив, ощущением цветовой мягкости, сдержанности в выявлении указанных выше признаков характеризуются цветообразы, соотнесенные с лексемой *голубой*. Безусловно, мы отдаем себе отчет в том, что именно такой подбор примеров может показаться случайным, что в речевой практике нередки случаи предельного смыслового сближения данных лексем: известны позиции их взаимозаменяемости даже в пределах одного контекста (ср., например, у Солоухина: «Денек стоял на редкость: тихий, теплый, сделанный из золотого с голубым... Иногда в *синее* небо взвивалось сразу несколько шариков...») И здесь же: «Небо по-прежнему было *голубое*, а солнышко красное»). Однако наши выводы не случайны. Проведенный нами качественно-количественный анализ примеров употребления лексем *синий*, *голубой* в наиболее значимых произведениях русской классической и советской литературы позволяет утверждать, что именно отмеченные свойства лежат в основе их семантической противопоставленности как членов единой лексической парадигмы (см. [1, 2]). Объективность сделанных наблюдений наглядно подтверждается диахроническим аспектом соответствующего изучения. И здесь немаловажным является то обстоятельство, что наиболее определенной смысловой зоной реализации для слова *синий* искони стала зона «водные пространства», и в частности подзона «море». Такие реализации данного слова встречаются уже в текстах XI—XII вв. [4, с. 35]. Осуществленные нами сплошные выборки целого ряда текстов, начиная с XVII в. и кончая произведениями современной советской литературы, свидетельствуют о том, что эта зона по отношению к слову *синий* остается наиболее характерной и для последующих этапов его семантического развития. Это явилось надежным источником индустрирования в семантической структуре данного слова, наряду с признаком тона, инвариантного признака «интенсивный», регулярно воплощаемого в своих вариантных признаках «яркий», «насыщенный», «высокая степень цветового охвата». Отмеченная семантика слова *синий* формировалась в

непосредственной соотнесенности с семантикой слова *голубой*², для которого, начиная с XVIII в., наиболее частотной становится соотнесенность с зоной «небо», а следовательно, и соотнесенность с менее интенсивным (по сравнению с обобщенным зрительным представлением о море) синим цветом. Тенденция к закреплению за более интенсивными оттенками рассматриваемой тональности, характерная для слова *синий*, и за менее интенсивными, но вместе с тем не переходящими в область разреженных и тусклых, свойственная слову *голубой*, обуславливают и специфику коннотативных возможностей данных слов: доминирующими коннотативными признаками первого становятся признаки «яркий», «сильный», второго — «ласковый», «нежный»³. Последнее, как можно полагать, в значительной степени поддерживается этимологической и деривационной соотнесенностью лексемы *голубой* с лексемами *голубь*, *голубушка*, *приголубить* и т. п.

Иная основа выявляется в истории формирования семантических взаимоотношений польских лексем *błękitny* и *niebieski*. Лексема *błękitny* (в звуковой огласовке *blankitny*) в польском языке появилась в XV в. как книжное заимствование из чешского языка, восходящее в свою очередь к лат. *blanketus*, *blanketetus* (Брюкнер — Bruckner A. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa, 1970; *Słownik staropolski*, t. 1. Polska Akademia Nauk. Warszawa, 1953—1955). Получив в соответствии с этим определенную маркированность, она начинает функционировать в качестве средства литературного языка, закрепляясь постепенно за его различными жанрами, в том числе и за жанром поэтической речи. Так, например, по данным Словаря языка А. Мицкевича (*Słownik języka Adama Mickiewicza*. T. I—VIII. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1962—1974), случаи ее употребления в соответствующих текстах от общего количества употреблений цветowych прилагательных рассматриваемой ЛСГ составляют 33%, что более чем в четыре раза превышает процент реализаций здесь цветового ЛСВ лексемы *niebieski*. Находясь в тесной функциональной близости с жанрами поэтической речи, слово *błękitny* должно было получить наиболее активную системную соотнесенность со словом *lazurowy*. С ним его объединяла общность западноевропейского происхождения⁴, сфер преимущественного функционирования, а следовательно, и индуцируемая этим общность коннотативного потенциала. В лексической системе польского языка, таким образом, появляются слова-дублеты. Однако общеизвестно, что «существование слов,

² Подробнее о семантическом развитии слов *голубой*, *синий* см. в наших работах [1, 2].

³ Данные признаки были выявлены в результате проведенного нами психолингвистического эксперимента. О методике его см. в нашей работе [3].

⁴ По данным Словаря Брюкнера, *lazurowy* — западноевропейское книжное заимствование XV века.

абсолютно идентичных во всех отношениях, неуловимо кратковременно. При такой идентичности одно из слов или исчезает... или между ними начинается дифференциация» [6, с. 223]. В данном случае язык избирает второй путь. При этом начавшийся семантический процесс дифференциации получает отраженность прежде всего на стилистическом уровне, и если лексема *lazugowy* продолжает сохранять свою особую маркированность, то ее синоним *błękitny* начинает постепенно ее утрачивать. Но пока можно говорить лишь о количественных различиях: обе лексемы по-прежнему тяготеют к высокой книжной речи, разница, пожалуй, только в том, что у *lazugowy* данное свойство выявляется с большей отчетливостью и интенсивностью. Это, в частности, получает непосредственную отраженность в активно действующей тенденции к употреблению в особо значимых (ключевых) ситуациях именно слова *lazugowy* (ср., например, тексты А. Мицкевича, Б. Пруса и др.). В свою очередь по отношению к слову *błękitny* возникшая семантическая оппозиция проявляется и в противоположной тенденции, обуславливающей его дальнейшее стилистическое снижение: по наблюдениям польского лингвиста А. Зарембы, данное слово утрачивает свой сугубо книжный характер и уже не является редкостью в речи молодых [9, с. 138].

Все это, как можно полагать, создает весьма благоприятные условия для установления системных отношений цветообозначения *błękitny* с формирующимся цветообозначением *niebieski*⁵. И в этой новой лексической микросистеме семантически более сильным вполне закономерно оказывается ее член *błękitny*, что определяется не только его продолжающей сохраняться маркированностью, но и характером преимущественной зональной соотношенности. Так, наиболее вероятностной зоной реализации слова *błękitny* становится зона «небо». Как показывает проведенное нами исследование, случаи реализации данного слова в указанных условиях, причем, как правило, в соотношенности с представлением о дневном солнечном свете, в четыре раза превышают соответствующие реализации его синонима *niebieski*. Смысловая выразительность слова *błękitny* как члена рассматриваемой парадигмы во многом определяется и высокой частотностью его употребления при характеристике интенсивного огня и света (ср., например, у С. Лема: «*Naraz błękitny brzask wypełnił wnętrze dwu klatek, spotęźniał, rzucił na przeciwległą ścianę... i zagaś!*» (Szpital przemienienia), «*Zadnych zórz, żadnej miękkości świtu, horyzont obejmowała elektrycznie błękitna luna, pierwszy promień przeszedł przez pokój jak strzał...*» (Solaris).

Иные цветовые оттенки в соответствующих ситуациях пере-

⁵ В качестве цветообозначения данная лексема начинает функционировать сравнительно поздно: по данным Словаря Брюкнера, еще в XV—XVI вв. она известна лишь с исконным значением «*niebieski*» — «небесный, неземной».

дает слово *niebieski*: они, как правило, лишены и масштабности распространения и повышенной цветовой яркости. Ср., например, у К. Галчинского: «*Niebieskim cyferblatem swiecił z wieży zegar*» (*Mały koncert skrzypcowy*), «...*gwiazdy w niebieskich bluzach wychodzą długim szeregiem*» (*Smierć Andersena*), «*Poroztwierał księżyc drogi wszystkie, porozkładał swój niebieski ogień*» (*Sanie*).

Более низкая степень смысловой интенсивности слова *niebieski* по сравнению с *błękitny*, думается, не является случайной, экскурс в языковое прошлое свидетельствует о том, что она предопределена исторически: первоначально, как отмечает Брюкнер, цветообозначение *niebieski* употреблялось весьма ограничено, «*regulotnie tylko 'chmury' i 'mgły' oznaczało*» (Брюкнер, с. 359), то есть употреблялось для характеристики таких реалий, которые абсолютно исключают интенсивное проявление света и цвета.

Проведенные наблюдения над спецификой системной соотнесенности русских и польских цветовых лексем позволяют установить более высокую степень эквивалентности, с одной стороны, между лексемами *синий* — *błękitny* как семантически более интенсивными, с другой — между лексемами *голубой* — *niebieski* как менее интенсивными, что получает объективную отраженность в практике художественного перевода: выражается в тенденции к передаче более насыщенных и ярких цветовых ощущений, в оригинале преимущественно обозначаемых русским словом *синий*, через польское *błękitny* (или его дериват *błękit*). Ср.: «Вечером *синим*, вечером лунным Был я когда-то красивым и юным» (С. Есенин. Вечером синим, вечером лунным...) и «*W posy błękitnej, w gwiazdzistej posy Byłem przed laty młody kwitnący*» (перевод И. Вачкова); «О Русь — малиновое поле И *синь*, упавшая в реку...» (С. Есенин. Запели тесанные дроги...) и «*O Rusi, malowane pola, Błękitcie utopiony w rzekach...*» (перевод Т. Монгирда); «...в ее глазах точно *синий* пламень горел...» (А. Фадеев. Молодая гвардия) и «...*w jej oczaih jak gdyby zapłonął błękitny płomień...*» (перевод Л. Левина); «Очутился в знакомом тенистом садике все с той же... многоствольной старой акацией... такой неподвижной, будто она нашита на *синее* степное небо» (А. Фадеев. Молодая гвардия) и «...*takim nieruchomym, jak gdyby było wyszyte na błękitnym stepowym niebie*» (перевод Л. Левина).

Отмеченная смысловая соотнесенность польской лексемы *błękitny* с русской *синий* индуцируется и их положением в структуре соответственно польской и русской ЛСГ. Русская лексема *синий* является признанной доминантой ЛСГ, польская *błękitny* активно стремится ею стать⁶. Последнее обнаруживается не

⁶ Следует отметить, что ЛСГ цветовых прилагательных со значением синего тона в польском языке в силу ряда причин утратила свою доминанту. В настоящее время ни один из ее членов не может в полной мере пре-

только в случаях реализации данной польской лексемы в стилистически нейтральных текстах (ср., например, в «Солярисе» С. Лема: «Chcesz może wziąć kąpiel?.. błękitne drzwi, po przeciwnej stronie»), но и при ее возможном использовании в качестве средства передачи оттенков собственно синего цвета (ср., например, специфику перевода на польский язык следующего есенинского текста: «Ревут валы, Поет гроза! Из синей мглы Горят глаза» — «...W błękitnej mgle Płocący wzrok», перевод Т. Мангирда).

Отмеченное семантическое движение лексемы *błękitny* в сфере функционирования цветообозначений собственно синего тона получает весьма четкую отраженность и в польских искусствоведческих работах. Так, в книге К. Zapanowskiego «El Greco» (Warszawa, 1976) во всех случаях при указании на обобщенное представление о синем цвете (кроме темно-синего, переходящего в черный) используется слово *błękitny* или его дериват *błękit*. Ср., например, следующие контексты при описании картины «Sen Filipa II» (Видение Филиппа II): «Jest to jedyna czarna plama wśród feryi tonów błękitnych i czerwonych», «Przeważają w nim żółcienie, czerwienie, błękity».

Приведенные примеры приобретают еще большую убедительность, если принять во внимание тот факт, что в известной нам русской искусствоведческой работе о творчестве того же художника (Т. Каптерова. Эль Греко. Монографический очерк. М., 1965) при описании ряда аналогичных полотен в соответствии с группой *błękit* реализуется лексема *синий*. Ср., например, следующий русский текст и его соответствие в вышеназванной книге К. Завановского: «...с акцентом бело-серебряных, желтых, серых, синих и красных тонов» — «...zestrojeniu czerwieni i błękitu, żółcieni i zagaszanej bieli...»

В свою очередь о наличии особой семантической близости между русской цветовой лексемой *голубой* и польской *niebieski*, помимо отмеченного выше, свидетельствует и то, что обе они поставлены в системные условия, почти исключаящие появление у них эмотивной окраски, определяемой коннотатами «величественный», «торжественный». Тем самым как русская семема *голубой*, так и польская *niebieski* оказываются внутренне подготовленными к выражению противоположного эмоционального настроения, соответствующего интимной, камерной интонации. Последнее получает выражение во многих современных, причем не только поэтических, но и прозаических польских произведениях. Так, например, в «Солярисе» С. Лема одним из наиболее частотных цветowych слов является *błękitny*. Именно через посредство данного слова в подавляющем большинстве случаев

тендовать на данную роль, в том числе и ее наиболее частотные члены *błękitny*, *niebieski*: первому мешает занять место доминанты не до конца преодоленная маркированность, второму — живая внутренняя форма, хотя движение к центру характерно для них обоих.

передается ощущение беспощадного, тревожного, страшного по своей силе и яркости света синего солнца чужой планеты. Но, когда герои романа мечтают о прекрасной, голубой планете Земля, связанной у них с сокровенными воспоминаниями о родине и отчем доме, автор, стремясь психологически точно передать соответствующее состояние героев, вполне оправданно употребляет вместо слова *niebieski* его синоним *niebieski*. Ср.: «...mowiliśmy dużo o tym, jak będziemy żyć na Ziemi, jak osiedlimy się gdzieś pod wielkim miastem i nigdy już nie porzucimy niebieskiego nieba i zielonych drzew...» Правда, слово *niebieski* пока еще не получило той экспрессивно-образной выразительности, какой характеризуется русская лексема *голубой*, но соответствующее семантическое преобразование данного слова уже, бесспорно, началось, чего нельзя не учитывать, говоря о перспективах его дальнейшего семантического развития.

Итак, системные отношения лексических единиц создают прочную основу для полноценного и в то же время семантически оправданного (не избыточного) функционирования каждой из них в языковой системе. Системные отношения в ЛГС, принадлежащих различным, в частности различным славянским языкам, неповторимы, как неповторим сам язык и народ, его создающий. Поэтому любое семантическое изучение русских лексем в сопоставлении с их эквивалентами в других славянских языках, способствуя установлению позиций общности в характере системных отношений тех и других, вместе с тем позволяет выявить и специфику семантической эволюции каждой из сопоставляемых лексико-семантических парадигм, в том числе и парадигмы, в которую входят русские лексемы *синий*, *голубой*.

Список использованной литературы

1. Алимпиева Р. В. Развитие смысловых отношений в лексико-семантической группе прилагательных синего тона в русском литературном языке (40—70-е гг. XX в.)//Исследования по исторической семантике: Сб. науч. тр./Калинингр. ун-т.— Калининград, 1980.— С. 90—101.
2. Алимпиева Р. В. Становление лексико-семантических групп цветных прилагательных в русском языке первой половины XIX в.//Вопросы семантики. Исследования по исторической семантике: Сб. науч. тр./Калинингр. ун-т.— Калининград, 1982.— С. 49—60.
3. Алимпиева Р. В. Семантическая структура слова белый//Вопросы семантики: Сб. науч. тр./Ленингр. ун-т.— Л., 1976.— Вып. 2.— С. 13—27.
4. Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке.— М.: Наука, 1975.— 288 с.
5. Виноградов В. В. Лексикология и лексикография/Избранные труды.— М.: Наука, 1977.— 310 с.
6. Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания.— М.: Наука, 1982.— 336 с.
7. Цейтлин Р. М. Сопоставительная лексикология славянских языков X—XI—XIV—XV вв.: (Проблемы и методы)//Славянское языкознание: IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь, 1983 г.— М.: Наука, 1983.— С. 288—306.
8. Червенкова И. К специфике сопоставительного исследования

лексики близкородственных языков: (На материале русского и болгарского языков)//Резюме докладов и письменных сообщений. IX Международный съезд славистов. — М.: Наука, 1983. — С. 120.

9. Z a r e b a A. Nazwy barw w dialektach i historii języka polskiego. — Wrocław, 1954.